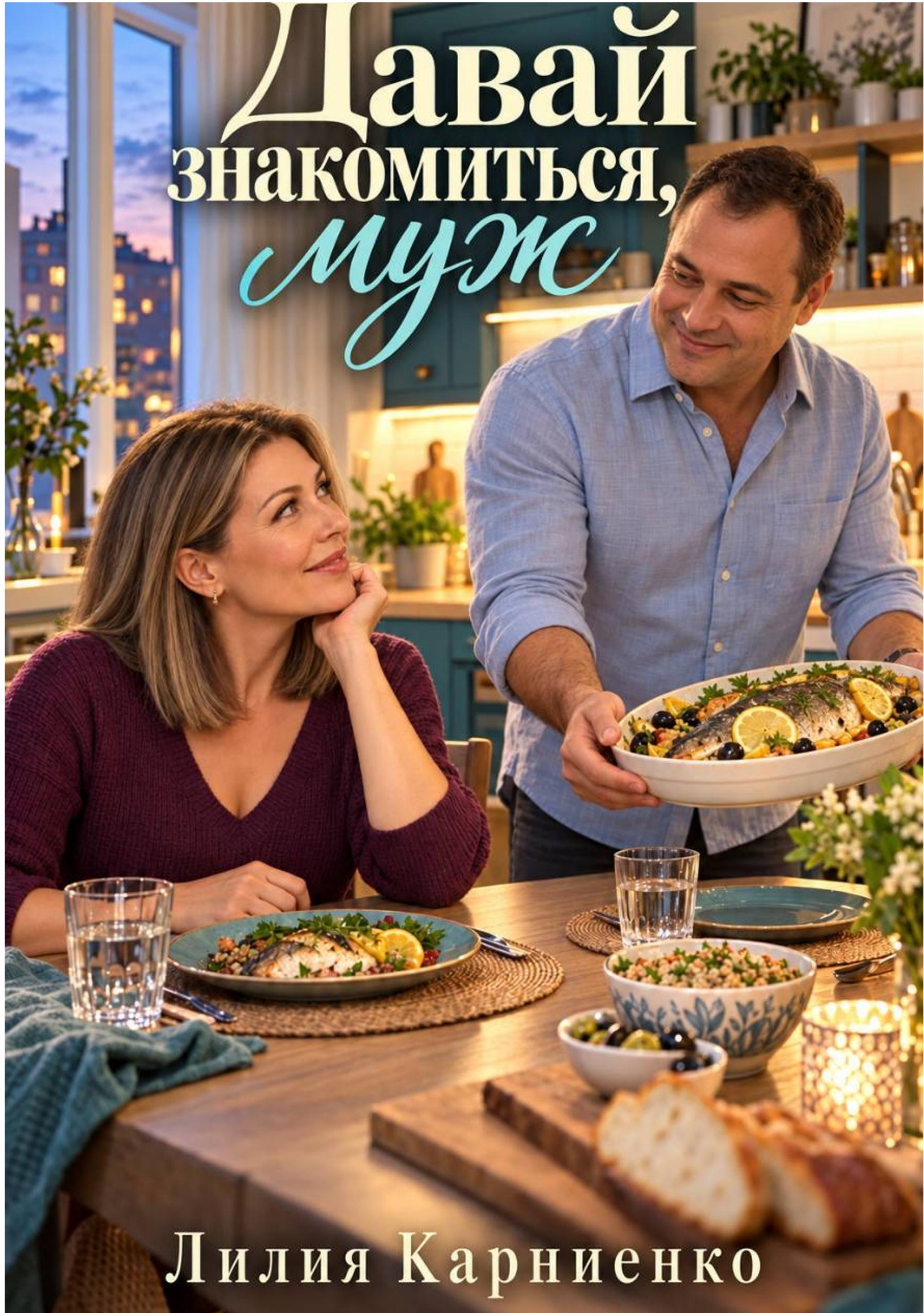

Давай знакомиться, *муж*

Лилия Карниенко

Лилия Карниенко

Давай знакомиться, муж

«Автор»

2026

Карниенко Л.

Давай знакомиться, муж / Л. Карниенко — «Автор», 2026

Я замужем почти двадцать пять лет и думала, что знаю о Вадиме все. А потом наша дочь уехала, мебельный цех закрылся, и муж взял полгода отдыха. Мы сами так решили. Он готовит новые блюда, ходит в мастерскую и впервые за много лет никуда не торопится. Я получила повышение. Казалось бы, самое время быть счастливыми вдвоем. Только почему мне так хочется вернуть его на работу, от которой он отказался? Узнав, что хорошая вакансия еще открыта, я зову в гости нужного человека. Мужу говорю, что это обычный ужин. Я ведь желаю ему добра. Разве он этого не поймет? Теплая история о взрослом браке, свободе меняться и муже, с которым однажды приходится знакомиться заново.

© Карниенко Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последняя коробка	5
Глава 2. Утро без будильника	8
Глава 3. Предложение для меня	11
Глава 4. Соль по вкусу	14
Глава 5. Среда у реки	17
Глава 6. Костинские вопросы	20
Глава 7. У Киры своя кухня	23
Глава 8. Новая неделя	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лилия Карниенко

Давай знакомиться, муж

Глава 1. Последняя коробка

В последнюю коробку не помещалась сковородка.

Я поставила ее боком, переложила кухонные полотенца, вынула две чашки и снова попробовала закрыть створки. Ручка торчала наружу с таким упорством, будто Кира собиралась увезти не посуду, а небольшое домашнее животное.

— Оставь, — сказал Вадим. — В городе, куда она едет, наверняка тоже есть сковородки.

Он стоял в дверях с рулоном широкого скотча на запястье. Раньше на этом месте у него висели часы, которые он снимал только перед душем. Часы лежали теперь на кухне возле хлебницы: в последний день работы браслет зацепился за ручку ящика, и муж решил пока его не чинить.

— Эта хорошая, — сказала я.

— С этим никто не спорит.

— А там еще неизвестно, какую она купит.

— Наверное, самую плохую. Пойдет сразу в отдел плохих сковородок.

Из комнаты донесся смех дочери.

— Можно я уже уеду и начну совершать свои ошибки?

Кира сидела на полу между открытым чемоданом и аккуратной стопкой папок. Три года назад мы купили ей этот чемодан для первой самостоятельной поездки, и тогда я тоже пыталась положить внутрь что-нибудь незаменимое. Кажется, маленький складной таз.

За окном медленно темнело. Поздний августовский вечер пах нагретым асфальтом и чьим-то ужином с жареным луком. Во дворе мальчишки гоняли мяч, женщина на лавочке по очереди звала двух одинаково неотзывчивых детей. Обыкновенный вечер, которому не было никакого дела до того, что завтра наша дочь станет жить за пятьсот километров от этой кухни.

— Не начинай с посуды, — попросила я. — Начни с чего-нибудь менее обидного.

Вадим присел рядом с коробкой, вынул сковородку и положил ее в отдельный тканевый пакет.

— Вот. У проблемы появилась ручка.

Он протянул пакет дочери. Кира поднялась, повесила его на дверную ручку и поцеловала отца в щеку. Мне стало жалко всех людей, у которых дети уезжают без сковородки, и я сердито придвинула к себе чашки.

— Эти хоть оставим?

— Мам, у меня одна голова. Я не умею одновременно пить из четырех.

— На случай гостей.

— Тогда пускай приходят по очереди.

Она взяла одну чашку, белую, с маленьким сколом возле доньшка, и завернула в полотенце. Это была не самая красивая и даже не ее собственная чашка. Из нее много лет пил Вадим.

— Папа, можно?

— Нет. По выходным буду приезжать проверять сохранность.

— Договорились. Только звони заранее.

Они сказали это легко, и я вдруг почувствовала себя единственным человеком в квартире, который не умел правильно прощаться. У всех получалось быть взрослыми. У дочери, у

мужа, даже у дурацкой коробки, наконец закрывшейся без сопротивления. Только я все еще хотела найти такую вещь, без которой переезд придется отложить.

Кира устроилась на новом месте по-настоящему. Не в общежитие на несколько месяцев, не на практику и не в гости. Работа в проектное бюро, небольшая съемная квартира с другой молодой сотрудницей, своя полка в холодильнике, свой маршрут до остановки. Мы видели квартиру на экране, слышали голос хозяйки, обсудили необходимое и ненужное. Незвестного оставалось ровно столько, сколько должно оставаться в чужой жизни.

Я знала это. Знание ничуть не мешало мне снова спросить про второе одеяло.

— Надя. — Вадим осторожно вытащил из моих рук наволочку. — Сядь на минуту.

— Я сейчас закончу.

— Ты уже закончила. Теперь начинаешь обратно.

Он поставил коробку у стены и придвинул ко мне кухонный стул. Я села, потому что спорить с этим голосом не хотелось. Не с приказным, приказного у него почти не было. С тем, каким он однажды предложил мне выйти из роддома не бегом, а обычным шагом, потому что дочь никуда от нас не денется.

Теперь она все-таки девалась.

Кира ходила в комнату и вернулась с телефоном.

— Давайте закажем ужин. Я угощаю.

— Зачем заказывать? У нас есть котлеты.

Муж посмотрел на меня.

Я посмотрела на мужа.

Дочь терпеливо ждала.

— Хорошо, — сказала я. — Только не огромный набор на восемь человек.

— На восемь не буду. На семь можно?

Мы выбрали еду, которую редко ели вместе, потому что вечно находился кто-то, кому хотелось другого. Вадим принес из комнаты маленькую колонку и включил музыку. Негромко, для кухни, не для последнего семейного вечера. Я была ему за это благодарна: если бы он начал делать из ужина памятное событие, я бы точно расплакалась.

Пока ждали курьера, Кира рассказывала о будущей работе. О человеке, который прислал ей подробную схему первого дня, о соседке, уверенной, что все шкафы следует подписывать изнутри, о поездке, на которую пока не хватило денег, но когда-нибудь обязательно хватит. Мы слушали. Вадим задавал простые вопросы, не устраивая собеседования. Я ловила себя на том, что ищу в ее рассказе место, где еще понадобится.

— Мне там пока странно, — вдруг сказала дочь. — Я же никого по-настоящему не знаю.

— Познакомишься.

Я произнесла это раньше, чем успела предложить приехать с ней.

Кира улыбнулась мне так благодарно, что я отвернулась к окну. Я хотела что-то добавить, но дочь уже рассказывала дальше, и я стала слушать.

Ужин привезли в бумажных пакетах. Мы расставили коробочки прямо на столе, забыли про тарелки и ели, передавая друг другу соус. Вадим ухитрился испачкать рукав и сообщил, что отныне это парадная рубашка с рисунком. Кира сфотографировала его. Я смеялась, потом все-таки достала салфетку и положила перед мужем, не пытаясь вытереть его сама.

Когда дочь ушла допаковывать чемодан, мы остались на кухне вдвоем. Музыка закончилась. За окном уже горели фонари.

— Ты как? — спросил Вадим.

Я потерла пальцем влажный след от стакана.

— Нормально.

— Это длинное «нормально» или короткое?

— С приложениями.

Он придвинул свой стул ближе. Не обнял сразу, просто сел так, что его колено коснулось моего. Почти за двадцать пять лет я привыкла к его теплу и все равно ощутила его отдельно, как вдруг замечают знакомый запах хлеба.

— Завтра проводим, — сказал он. — А вечером погуляем.

— Куда?

— Не знаю.

— Вадик, у тебя обычно на этот вопрос есть ответ.

— Завтра не будет.

Из комнаты донесся стук закрываемого чемодана. Я вздрогнула, а муж положил руку на мою ладонь.

— Мы ведь раньше умели вдвоем, — сказал он.

— Давно это было.

— Не настолько, чтобы я забыл твое имя.

— Зато отчество наверняка.

Он назвал мое отчество, торжественно и без ошибки, и я рассмеялась. Потом наклонилась к нему, положила голову на плечо и несколько секунд сидела молча. У его рубашки был обычный домашний запах, у рукава еще не высохло пятно, а на запястье все еще висел рулон скотча.

Я сняла его и положила на стол.

— Вот теперь можно обниматься, — сказала я.

На следующее утро, в воскресенье, мы действительно проводили Киру. Она обняла нас по очереди, потом сразу обоих, едва удержав пакет со сковородкой. Вадим помог поставить чемодан в багажный отсек автобуса. Я махала, пока дочь не скрылась за стеклом и чужими плечами.

Домой мы вернулись в половине одиннадцатого.

В прихожей стало необыкновенно просторно. Не было чемодана, коробки, пакета, дочериных кроссовок поперек коврика. Я сняла обувь и остановилась, не зная, куда идти.

Вадим закрыл за нами дверь.

— Чай будешь?

— Буду.

Он прошел на кухню, а я еще немного постояла в тишине. Потом подняла с пола обрывок скотча, который вчера никто не заметил, и выбросила его.

Убирать было больше нечего.

Глава 2. Утро без будильника

В понедельник я проснулась от запаха кофе и решила, что проспала.

Рука нашла телефон раньше, чем я открыла глаза. Семь двадцать. До моего будильника оставалось десять минут, но на половине Вадима уже никого не было. Обычно он вставал в шесть, двигался по квартире почти бесшумно, и о его уходе я узнавала по короткому щелчку замка. Сегодня ничего щелкать не должно было.

На кухне он стоял возле плиты в домашней футболке и помешивал что-то в маленькой кастрюле.

— Доброе утро.

Я остановилась на пороге.

— Ты зачем встал?

— Проснулся.

— Мог бы полежать.

— Мог бы. Потом решил, что я уже достаточно взрослый и могу встать без разрешения.

— Я не в этом смысле.

— Знаю. Кашу будешь?

На столе лежали две ложки, нарезанные яблоки и вчерашний хлеб. Муж успел поставить мою любимую чашку. Без особенной торжественности, словно завтракал со мной по понедельникам всю жизнь.

— Ты же кашу не ешь.

— С сегодняшнего дня ем. Надо же с чего-то начать падение нравов.

Я села, поджав под себя ногу, и посмотрела на его затылок. Короткие темные волосы примялись с одной стороны. В рабочие дни он прежде успевал расчесаться раньше, чем я просыпалась, поэтому такой, чуть лохматый, доставался мне преимущественно по воскресеньям. Было приятно увидеть его утром. Приятно и почему-то тревожно.

Вадим поставил кастрюлю на подставку и сел напротив.

— Сахар там, — сказала я.

— Вижу.

— В верхнем...

— Надя, я живу здесь не по обмену.

Я засмеялась и замолчала. Потом взяла ложку. Каша оказалась вполне съедобной, что заставило меня испытать совершенно нелепое разочарование: поправлять было нечего.

О закрытии цеха мы знали с начала лета. Эдуард Семенович Фомин решил закончить дело, которое вел больше двадцати лет. Он заранее предупредил людей, рассчитался с ними, нашел покупателя на оборудование и постепенно завершил заказы. Вадим сначала помогал ему заканчивать работу так же упрямо, как прежде начинал новую.

В июне мы сидели на этой самой кухне и считали. Его выплаты, наш резерв, моя зарплата, обычные расходы. Кира уже получила предложение, но еще не решила, соглашаться ли на другой город. Мы планировали без ее возможной помощи, потому что помощь взрослой дочери не входила в наши жизненные расчеты.

Денег хватало на шесть месяцев. Не на все желания сразу, не на внезапную роскошь, но на нормальную жизнь без экономии на каждом яблоке.

— Я хочу остановиться, — сказал тогда Вадим. — Не взять две недели и начать все сначала. Полгода не искать новую работу.

Я помнила, как он произнес это, глядя не на меня, а на собственные ладони. Я сказала: «Конечно». Даже обиделась, что он считал необходимым долго объяснять. После стольких лет длинных дней и чужих срочностей человек мог отдохнуть.

Я хорошо помнила, как уверенно сказала тогда «конечно». И все-таки июньское решение оказалось совсем не похоже на сентябрьское утро, в котором мой муж никуда не спешил.

— Что у тебя сегодня? — спросила я.

— Посмотрю на балконную дверь. Она снизу цепляет. Потом схожу за продуктами.

— Дверь уже давно цепляет.

— Вот и познакомимся поближе.

— А потом?

Он поднял на меня глаза.

— Надь, у меня первый день. Не надо ему сразу придумывать смысл.

Я опустила взгляд в чашку. Кофе был крепче, чем я делала сама, но пить его оказалось приятно. Вадим отломил кусочек хлеба и посмотрел в окно.

— Может, до парка дойду, — сказал он. — Давно не видел его днем в будни.

Я уже открыла рот, чтобы напомнить о пачке лампочек, потом закрыла. Пачка лампочек могла подождать до вечера.

Мы позавтракали. Я ушла собираться, долго искала серьгу, которую вчера сама положила не в шкатулку, а возле зеркала. Муж нашел ее первым, протянул на ладони и, пока я застегивала маленький замок, смотрел на меня так внимательно, что я повернулась.

— Что?

— Ничего. Ты утром красивая.

— У меня еще второй глаз не проснулся.

— Я выбираю первый.

Я поцеловала его, чуть задев губами щеку, потом задержалась и поцеловала уже как следует. Он обнял меня за талию поверх тонкого кардигана. В прихожей было тихо. Никто не требовал пропустить к обувнице, не искал проездной, не спрашивал, чей пакет мешает выйти.

На минуту я почувствовала, что нам подарили что-то хорошее.

Потом зазвонил рабочий телефон, и я выскользнула из его рук.

В издательстве с утра не хватало коробок нужного размера. Один тираж приехал раньше срока, другой, обещанный в пятницу, еще не был закончен. Жанна Белова принесла список заказов и с выражением обреченной вежливости спросила, что мы сегодня считаем срочным.

— То, что уже оплатили и ждут, — сказала я.

— Отлично. Это весь лист.

Мы уселись рядом и принялись разбирать. Я любила такую работу больше, чем признавалась людям: не суматоху, а минуту, когда из множества чужих «срочно» постепенно складывался порядок. Нельзя было сделать все одновременно. Зато можно было объяснить, что будет первым, что вторым и кому следует позвонить до того, как он сам начнет сердиться.

В половине второго я открыла телефон. От Вадима пришла фотография пустой парковой скамейки.

«Здесь никто не спрашивает, когда будет готово».

Я улыбнулась и написала: «Подозрительное место. Не задерживайся».

Он ответил почти сразу: «Уже задержался».

Я вернулась к списку, но еще несколько минут видела перед собой эту скамейку. В ясный рабочий понедельник на ней мог сидеть мой муж. Не ждать кого-нибудь, не отвечать на звонки, не думать о завтрашней отгрузке. Просто сидеть.

Домой я пришла раньше обычного, потому что все самое трудное мы с Жанной разобрали до обеда. Балконная дверь закрывалась без знакомого усилия. В холодильнике стояли продукты, а Вадим читал в гостиной книгу, которую получил от меня на прошлый день рождения.

— Ты уже много прочитал? — спросила я, снимая серый плащ.

— Сто страниц.

Я повесила плащ, поставила коричневую сумку на полку и заглянула в комнату.

— За один день?

— За три часа. Потом отвлекся на твою дверь.

Он положил книгу раскрытой на колени. Я хотела сказать, что дверь наша, но почему-то не сказала.

— Как прошел день? — спросил он.

Я рассказала про коробки, два тиража и Жаннино лицо. Он слушал, иногда задавал вопросы. Потом я спросила про парк.

— Тихо, — ответил Вадим. — Хорошо.

И больше ничего не добавил.

Вечером мы вместе вымыли посуду. Он вытирал тарелки, я ставила их в шкаф. Я знала, что у него был хороший день, и любила его достаточно, чтобы радоваться этому.

Только рядом с радостью упрямо шевелилось что-то маленькое и недоброе.

Мой хороший день стоил мне гораздо больше усилий.

Глава 3. Предложение для меня

Лариса Николаевна позвала меня в кабинет перед обедом, когда я держала в одной руке телефон, а в другой бутерброд.

Я успела положить бутерброд на салфетку, но телефон забыла отключить. Пока директор рассказывала о новом отделе, он дважды завибрировал в кармане. На третий раз я извинилась и выключила звук совсем.

— Я поэтому и хочу с вами поговорить, — сказала она. — У нас весь отдел пока держится на том, что вы всем отвечаете.

— Не всем. Одному человеку сегодня не ответила.

— Это был я, — сообщил из дверей курьер.

Лариса Николаевна посмотрела на него поверх очков. Я встала, посмотрела принесенные бумаги, объяснила курьеру, кому их отдать, и снова села. Директор терпеливо дождалась, пока дверь закроется.

— Надежда, я предлагаю вам руководить комплектацией.

На столе между нами лежал карандаш. Обычный, немного обгрызенный с конца. Я уставилась на него, словно предложение было написано на его гранях и следовало правильно повернуть.

— Это новая должность?

— Формально да. Фактически вы половину этой работы уже делаете. Хочу, чтобы у вас появились не только чужие вопросы, но и возможность принимать решения.

Она объяснила обязанности, назвала прибавку, рассказала, что изменится в составе отдела. Не говорила, будто я незаменима. Это почему-то помогало слушать серьезно. Незаменимым обычно предлагали потерпеть еще немного за ту же плату.

Здесь предложение было ясным: больше ответственности, больше денег, месячный пробный период. В конце сентября обе стороны решат, подходит ли такой порядок.

— Мне нужно подумать, — сказала я.

— Разумеется. До завтра хватит?

Хватить должно было. Я взяла лист с условиями, сложила его пополам и вернулась к своему столу.

Бутерброд засох с одного края. Жанна поставила возле него чашку свежего чая.

— Ну?

— Мне предложили начальство.

Она внимательно посмотрела на меня.

— С надбавкой или с благодарностью?

Я назвала сумму.

— Берите, — сказала Жанна. — Я тогда наконец буду понимать, кто запрещает мне отгружать невозможное.

— Ты еще передумашь, когда запрещать начну.

— Я давно готова. Мне нужен человек, который умеет говорить «нет» раньше пятницы.

Я засмеялась, но к обеду успела придумать три причины отказаться. Первая была разумной: я не знала, справлюсь ли с планированием большого объема, когда изменения коснутся не только знакомых заказов. Вторая выглядела благороднее: коллектив мог не принять вчерашнюю коллегу в новом качестве. Третью я не захотела называть даже про себя. Она состояла в том, что дома слишком многое уже менялось и мне хотелось сохранить хотя бы одну надежную прежнюю себя.

Вадиму я написала только: «Вечером будет новость».

Он ответил: «Мне надеть галстук?»

«Пока не знаю».

«Тогда положу рядом».

К концу дня мне так хотелось увидеть его лицо, что я дважды посмотрела на часы в последние десять минут. Раньше я иногда задерживалась просто потому, что дома все равно никого не было. Теперь на кухне горел свет.

Я вошла, сняла плащ, вымыла руки и села за стол. Муж поставил передо мной глубокую тарелку с супом.

— Галстук где?

— Не нашел. Решил компенсировать укропом.

Я рассказала. Сначала коротко, потом подробно, потом почему-то начала перечислять трудности так уверенно, словно уже согласилась защищать их на отдельном совещании.

Вадим слушал. Не перебивал, не говорил «чего тут думать», не торопился поздравлять до конца рассказа. Когда я закончила, он подвинул ко мне хлебницу.

— Ты хочешь?

— Я тебе только что объяснила, сколько там всего.

— Объяснила. Хочешь?

Я взяла кусочек хлеба и положила обратно.

— Хочу попробовать.

— Тогда пробуй.

— Ты говоришь так, будто это поход за хлебом.

— Нет. За хлебом я уже ходил. Там все было проще.

Я улыбнулась, но отвести разговор в шутку не получилось.

— Я буду позже приходить. По крайней мере сначала.

— Хорошо.

— Не всегда знать заранее.

— Позвонишь, когда поймешь.

— И по вечерам иногда придется доделывать.

Вадим откинулся на спинку стула.

— Надя, ты сейчас меня предупреждаешь или уговариваешь отговорить тебя?

От этого вопроса стало досадно, потому что я сама не знала ответа.

Почти за двадцать пять лет мы много раз принимали решения, которые касались обоих. Чья командировка важнее, кто раньше уйдет с работы, когда менять холодильник, на что потратить неожиданную премию. Мы умели считать, уступать, иногда сердиться, потом возвращаться к разговору. Но почти всегда в центре лежало что-нибудь общее, понятное: дочь, дом, отпуск, деньги.

А сейчас мне хотелось попробовать самой. Без семейной необходимости, которой так удобно было оправдывать все важное.

— Мне страшно, — сказала я.

Муж кивнул.

— Мне бы тоже было.

— Серьезно?

— Конечно. Ты думаешь, я начальником цеха родился?

— Мастером.

— Тем более. Даже до начальника не дорос.

Он произнес это без горечи, и я вдруг вспомнила его молодым: в короткой куртке, с очень серьезным лицом, потому что на первой работе ему поручили целую смену вместо отсутствующего старшего. Он пришел тогда ко мне с хлебом и пакетом яблок, которые собирался отнести матери, но по дороге забыл. Мы ели эти яблоки на моей съемной кухне, и он рассказывал, как

перепутал фамилии двух рабочих. Я помнила подробность, которую не вспоминала много лет: одно яблоко каталось по столу, потому что он так размахивал руками.

— Ты тогда сказал, что больше не пойдешь, — напонила я.

— А ты сказала, что у меня слишком хорошие ботинки для безработного.

— Не могла я такое сказать.

— Могла. Ты была суровая женщина.

— Я и сейчас суровая.

Он посмотрел на мою тарелку.

— Тогда доешь суп. Суровым женщинам особенно важно не остыть.

После ужина мы вышли во двор. Я сама предложила, пока привычка не усадила нас перед телевизором. Воздух был прохладным, но еще летним в глубине, с запахом листьев и теплых стен. Вадим взял меня за руку. Его ладонь закрыла мою почти целиком, и я подумала, что совершенно напрасно столько лет считала это обыкновенным.

Мы дошли до маленького магазина на углу, купили мороженое и съели его на скамейке. Муж нечаянно задел стаканчиком мой локоть, вафля хрустнула, и он успел поймать выпавший кусочек другой рукой.

— Отлично, — сказал он. — Теперь у меня и десерт, и задача на ловкость.

Я смеялась слишком громко для тихого двора. Пожилая женщина с сумкой оглянулась, потом улыбнулась нам, не останавливаясь.

Домой мы возвращались медленно. Я уже знала, что завтра скажу Ларисе Николаевне. Впервые за весь день решение ощущалось не как тяжелая коробка, которую нужно куда-то поставить, а как дверь, которую хотелось открыть.

У подъезда Вадим задержал меня за руку.

— Только одну вещь обещаю.

— Какую?

— Когда станешь большим начальником, не говори дома «коллеги».

— Постараюсь, товарищ Сомов.

Он наклонился и поцеловал меня. Я прижалась к нему на несколько секунд, не думая о том, видит ли кто-нибудь из окон.

Наутро я согласилась.

Глава 4. Соль по вкусу

В четверг Вадим приготовил рыбу так, как я никогда ее не готовила.

Она лежала на широком блюде среди ломтиков лимона и маленьких темных оливок. Рядом стояла миска с крупой, названия которой я не знала. На плите не было привычной сковороды, на подоконнике сохли вымытые веточки зелени. Я вошла на кухню и сначала решила, что к нам кто-то придет.

— У нас гости?

— Ты, — сказал муж. — Довольно важная.

Я еще не сняла часы. Ремешок цеплялся за манжету, и я возилась с ним дольше необходимого, рассматривая блюдо.

— А картошки не будет?

— Сегодня нет.

— Ты же любишь рыбу с картошкой.

— Люблю. Но я с ней уже знаком.

Он достал из шкафа две тарелки и поставил их на стол. Я вымыла руки, переоделась в домашние брюки и вернулась, все еще пытаясь понять, почему мне захотелось спросить, сколько это стоило. Рыба стоила примерно столько же, сколько наша обычная. Изменился не расход, а человек, решивший, что мы будем есть.

До этого Вадим готовил без всякой беды. Пока я ездила в командировки, дочь не питалась одним хлебом. Он умел варить суп, жарить мясо, собирать из остатков приличный ужин. Но тогда это считалось заменой меня на известном участке. Сегодня он, кажется, не собирался никого заменять.

— Что за крупа?

Он назвал.

Я попробовала ложкой, обожглась, торопливо подула на еду.

— Подожди, — сказал он. — Только с плиты.

— Поняла.

— Там еще...

— Вадик, я умею есть горячее.

Он замолчал. Я тоже.

Уже в эту минуту можно было просто рассмеяться. Вместо этого я взяла соль и посолила гарнир, не попробовав второй раз.

— Ты сначала попробуй, — сказал муж.

— Я же попробовала.

— Ты обожглась. Это другое.

— Мне недосолено.

— Хорошо.

Это «хорошо» прозвучало ровно, но я слышала в нем то, чего он, возможно, не вкладывал. Села прямее и принялась разделять рыбу так тщательно, будто от этого зависела моя репутация.

Рыба оказалась вкусной. Очень. Лимон не перебивал ее, а темные оливки, которые я обычно оставляла на краю тарелки, здесь почему-то хотелось съесть. От этого мне стало еще неловче.

— Ну? — спросил Вадим.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня, и мы оба не выдержали. Смех вышел коротким, почти сердитым.

— У тебя это слово сегодня с начинкой, — сказал он.

— У тебя тоже.

— Я хотел сделать ужин.

— Ты его сделал.

— И не хотел защищать его перед комиссией.

Я положила вилку.

За окном шел небольшой дождь. Не такой, чтобы отменять планы, а просто сентябрьский, ровный, блестящий в свете фонаря. Я вдруг услышала каждую каплю, ударявшую по наружному подоконнику. На кухне обычно что-нибудь отвлекало: дочь, телефон, телевизор из комнаты. Теперь пришлось оставаться внутри разговора.

— Я привыкла знать, что у нас будет, — сказала я.

— Я тоже. Раньше знал, потому что ты говорила.

— Тебя это не устраивало?

— Устраивало. Я сейчас не предъявляю тебе двадцать лет картошки.

— Почти двадцать пять.

— Тогда тем более. Мы уже очень близки с картошкой.

Я улыбнулась. Он тоже, но улыбка быстро исчезла.

— Надь, можно мне иногда сделать не так, как ты?

Простой вопрос был гораздо неприятнее любого обвинения. Мне хотелось ответить, что он и так всегда делал не как я: неправильно складывал полотенца, не замечал грязную полку, покупал хлеб слишком большими буханками. Вовремя я поняла только одно: это был бы отвратительный ответ мужчине, приготовившему мне ужин.

— Можно, — сказала я.

— Я не про разрешение. Я про то, будем ли мы потом весь вечер выяснять, почему.

Я посмотрела на блюдо. На золотистую корочку, на веточки зелени, на его руку возле тарелки. На указательном пальце оставалась тонкая светлая полоска от давнего пореза. Она уже не пугала меня и стала частью знакомой руки.

— Я сегодня весь день всем объясняла, как надо, — сказала я. — И принесла это домой.

— Может быть.

Он не поспешил согласиться так, чтобы мне сразу стало легче.

Я взяла вилку.

— Рыба очень вкусная.

— Спасибо.

— А крупу я пересолила.

Вадим наклонился, попробовал ложкой с края моей тарелки и задумчиво кивнул.

— Смелое решение.

На этот раз я засмеялась без обиды. Он отложил мне немного своего гарнира, я возмущалась, что он опять решает за меня, и он поднял руки в знак сдачи. Потом я сама придвинула тарелку ближе.

За ужином он рассказал, как выбирал рыбу. Продавщица предположила, что готовить будет жена, и Вадим честно сказал, что жена пока ничего об этом не знает. Женщина посмотрела на него с уважением и дала такой большой пучок зелени, словно отправляла в поход.

Я рассказала про Ларису Николаевну, которая на первом же обсуждении нового порядка отвергла мой слишком сложный список.

— Ты обиделась?

— Нет.

Муж поднял бровь.

— Немного. Я над ним два часа сидела.

— А она сколько читала?

— Полминуты.

— Несправедливый обмен.

— Ужасный.

Мы доели рыбу. Я вызвалась убрать со стола, а Вадим поставил чайник. Я собирала тарелки и вдруг поняла, что впервые за долгое время не помню, сколько посуды испачкано во время приготовления. Не видела начала ужина, не участвовала в середине, не считала, что осталось закончить. Пришла и села.

Это было приятно.

Я вспомнила, сколько раз сама ждала домашних с готовым ужином. Хорошо бы они тогда тоже замечали эту возможность: просто прийти и сесть. Но Вадим сейчас ни в чем не виноват. Я могла хотя бы не мешать ему готовить так, как нравится ему.

— Ты завтра тоже будешь готовить? — спросила я.

— Планировал.

— Тогда скажи, если что-нибудь купить по дороге.

Он обернулся от чайника.

— Скажу.

— И без комиссии.

— Я все равно оставлю лимон. На случай проверки.

Позже мы сидели на диване. Вадим читал, я пыталась выбрать фильм и каждые две минуты показывала ему описание.

— Этот?

— Можно.

— Ты все время говоришь «можно». Тебе вообще хочется смотреть?

Он заложил пальцем страницу и прикрыл книгу.

— С тобой хочется. Выбирать пока не очень.

Я положила телефон на подлокотник и подвинулась к нему. Он обнял меня за плечи. Я устроилась удобнее, положив голову ему под подбородок, и некоторое время мы просто сидели, не включая ничего.

— Если я стану невыносимым начальником, скажи, — попросила я.

— Сегодня или вообще?

— Вообще.

— Сегодня тоже можно?

Я ткнула его пальцем в бок. Он засмеялся, поймал мою руку и поцеловал ладонь. Без торжественности, как делал иногда в первые годы, когда мы еще не научились откладывать такие мелочи до особенного настроения.

Фильм мы так и не выбрали. В какой-то момент Вадим снова открыл книгу и начал читать вслух самый смешной абзац.

Я слушала его голос и думала, что этот вечер все-таки удался.

Даже без картошки.

Глава 5. Среда у реки

Свободную среду я взяла еще в августе, когда думала, что после отъезда Киры придется срочно отправлять ей забытые вещи.

Кира ничего срочного не забыла. Вадим предложил не возвращать день работодателю из вежливости, и утром мы пошли к реке.

Я надела серый плащ, потому что день обещали прохладный, потом вернулась за тонким шарфом. Муж ждал возле двери в синей ветровке, держа оба наших проездных.

— Мы куда-нибудь опаздываем? — спросила я.

— Пока нет. Но ты стараешься.

Я затянула шарф, взяла его под руку и позволила вывести себя из квартиры.

Речные прогулки по будням в сентябре были не очень популярны. У причала стояли две женщины с фотоаппаратами, мужчина с девочкой лет десяти и молодая пара, которой, судя по одинаково сонным лицам, было все равно, куда ехать, лишь бы сидеть рядом. Мы купили билеты на короткий маршрут и устроились на открытой палубе.

Скамейка была холодной. Вадим расстегнул ветровку, хотел подложить ее мне, но я уже села.

— Оставь. Я в плаще.

— Потом не говори, что я не пытался выглядеть благородно.

— Я запомнила.

Он сел рядом. Вода под бортом тяжело качнулась, когда судно отошло от причала. Город начал медленно отодвигаться, будто кто-то освобождал для нас место.

Я давно не видела набережную с реки. Все знакомые здания развернулись другой стороной. За длинным забором обнаружилась желтая веранда, которую с улицы не было видно. Между двумя высокими домами торчала старая крыша с маленьким круглым окошком. На берегу мужчина выгуливал огромную черную собаку, и со стороны казалось, что собака выгуливает целую площадь.

Вадим показал на них.

— Видишь, тоже руководитель отдела.

— Собака или мужчина?

— Кто знает маршрут.

Я рассмеялась и достала телефон, чтобы сфотографировать воду. В кадр попало его плечо. Я подвинула телефон, но потом оставила как есть. С плечом оказалось лучше.

Муж смотрел вперед, чуть шурясь от ветра. Синяя ткань ветровки надувалась у воротника. Он выглядел не моложе и не иначе, чем вчера, просто никто не звал его к телефону, никто не ждал от него решения. Я вдруг поняла, что почти не знаю такого его лица.

— Тебе хорошо? — спросила я.

Он повернулся.

— Да.

— Прямо совсем?

— Надь, ты хочешь найти недостаток?

— Нет. Просто спрашиваю.

Он положил ладонь мне на колено поверх плаща. От ветра у меня слезились глаза, я промокнула их бумажной салфеткой и убрала ее в карман.

— Очень хорошо, — сказал Вадим.

Я кивнула. На воде бежали короткие светлые дорожки. У самого берега плавал желтый лист, потом судно прошло дальше, и лист исчез за нашими спинами. Мне тоже было хорошо. Так хорошо, что на некоторое время я перестала искать, не забыла ли чего-нибудь сделать.

На обратном пути девочка с мужчиной кормили друг друга печеньем. Девочка ловко спрятала последнюю штуку в карман и сообщила, что все закончилось. Ее спутник сделал вид, будто поверил.

— Помнишь, Кира прятала конфеты за энциклопедией? — спросила я.

— Помню.

— Я думала, ты не знал.

— Я ей туда иногда новые клал.

Я повернулась к нему всем корпусом.

— Серьезно?

— У нас была сложная логистика.

— А я считала, что она сама экономно ест.

— У ребенка был надежный поставщик.

Мы смеялись. В этом маленьком открытии не было ничего обидного, только еще одна комната в доме, который я считала изученным до последнего гвоздя. Оказывается, Вадим и Кира много лет вели самостоятельную конфетную жизнь, не разрушая моего порядка.

После прогулки мы не пошли домой. Муж предложил пообедать в небольшом месте возле рынка, куда раньше заходил по работе. Там подавали густой суп и пироги, а столики стояли так близко, что приходилось договариваться стульями с соседями.

Вадим снял ветровку, повесил на спинку своего стула и отодвинул соседний для меня. Я сняла плащ, повесила рядом с ветровкой, развязала шарф и убрала его в рукав плаща, чтобы не забыть.

— Ты часто здесь ел?

— Когда возили заказы на эту сторону.

— А мне ни разу не сказал.

— Что ел суп?

— Что есть такое место.

Он посмотрел по сторонам.

— Я не думал, что оно тебе понравится.

— Почему?

— Тут тесно. Ты не любишь, когда чужие люди сидят почти в тарелке.

Справа от меня женщина и в самом деле объясняла кому-то по телефону, сколько картофеля осталось дома. Я могла бы дать точный ответ вместо нее. И все-таки мне нравилось сидеть здесь с мужем, которого люди за стойкой знали по лицу.

— Иногда можно, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Запишу в новые сведения.

Вадим заказал себе привычный суп, я выбрала пирог с капустой, потом попросила у него ложку попробовать. Суп оказался лучше пирога. Муж подвинул тарелку между нами, и мы некоторое время ели по очереди, словно у нас не было денег на вторую порцию. Деньги были. Просто было весело.

После обеда мы пошли вдоль рынка. Я остановилась возле прилавка с яблоками, выбирая твердые, кислые. Продавец попытался убедить меня взять сладкие, но Вадим предупредил:

— Не старайтесь. Она любит, чтобы яблоко сопротивлялось.

Я купила два килограмма и вручила пакет мужу.

— Теперь будешь нести последствия своего знания.

Он перехватил ручки и пошел рядом. По дороге мы встретили женщину из его бывшего цеха. Она обрадовалась, спросила, как дела, рассказала, что устроилась ближе к дому и теперь добирается двадцать минут вместо часа.

— А вы куда? — спросила она у Вадима.

— Пока никуда.

— Отдыхаете?

— Да.

Он ответил совершенно спокойно. Я стояла рядом с пакетом салфеток, которые только что купила в магазине, и зачем-то приготовилась добавить: «Он еще выбирает». Никто меня не спросил. Женщина сказала, что он заслужил, пожелала нам хорошего дня и ушла.

Мы продолжили дорогу.

— Я действительно отдыхаю, — сказал муж через некоторое время.

Я посмотрела на него.

— Я ничего не говорила.

— Знаю.

Мне стало неловко. Не из-за его догадки, а из-за того, что она была верной.

— Ты привык все время куда-то двигаться, — объяснила я.

— Вот я иду. С яблоками. Очень серьезное направление.

Я не засмеялась сразу. Вадим замедлил шаг, посмотрел на меня, потом свободной рукой взял мою.

— Надя, мне не скучно.

— Я поняла.

— И не стыдно.

— Я же не говорю, что должно быть стыдно.

— Тогда не будем это добавлять.

Он сказал мягко, без нажима. Я сжала его ладонь и пошла ближе.

Дома мы разложили яблоки, повесили плащ и ветровку сушиться после короткого дождя, который застал нас у самого подъезда. Я села на диван, собираясь только перевести дух, и уснула минут на двадцать.

Когда проснулась, Вадим сидел у окна с книгой. Увидев, что я открыла глаза, он положил ее на подоконник.

— Вот, — сказал он. — Ты тоже ничего не делала. Получилось?

Я потянулась и улыбнулась ему.

— Неплохо. Но у меня пока мало опыта.

Он подошел и сел рядом. Я положила голову ему на колени, а он осторожно убрал волосы с моего лица. Из окна было видно светлое сентябрьское небо.

Я еще немного полежала у него на коленях. Потом открыла телефон и посмотрела на фотографию с его плечом. Хорошая получилась.

Глава 6. Костинские вопросы

Тамара встретила нас с полотенцем на плече и сказала, что Аркадий опять испортил салат.

— Ничего я не испортил, — отозвался он из кухни. — Добавил характер.

— Лук. Он добавил лук.

— Разве характеру запрещено быть луком?

Мы сняли верхнюю одежду. Вадим передал Тамаре пакет с яблоками, я отдала принесенный пирог. У Костиных всегда пахло чем-нибудь горячим, а в прихожей не хватало крючков, хотя гостей они звали не чаще двух раз в месяц. Тамара унесла мой плащ в спальню, предупредив, что потом надо напомнить, где он лежит.

Мы дружили много лет. Когда Кира была маленькой, Аркадий умел строить из диванных подушек такие крепости, что мы с Тамарой потом долго возвращали гостиную приличный вид. Теперь дочь приезжала к ним самостоятельно, а мы продолжали собираться за тем же столом, только перестали заказывать детскую пищу.

— Ну, свободные люди, — сказал Аркадий, разливая сок по стаканам. — Как живется без молодежи?

— Просторно, — ответил Вадим.

— А мне все время кажется, что я что-нибудь забыла, — сказала я.

Тамара кивнула.

— Это пройдет. Потом, когда приедет, будешь думать, почему ее так много.

— Не буду.

— Конечно, не будешь. Ты у нас особенная мать. Я тоже была особенной. Три дня.

Мы смеялись. Салат с характером оказался острым, пирог — удачным, а Аркадий рассказывал, как пассажир забыл в автобусе огромную подушку, но уже через пять минут позвонил и потребовал развернуть рейс. Рассказ он вел с таким серьезным лицом, что Тамара дважды просила уточнить, не добавил ли он половину сам.

— Только интонацию, — признался Аркадий. — Она была беднее.

Вадим смеялся открыто, откинув голову. Мне нравилось видеть его таким: он всегда был остроумен, но в последние месяцы работы в цехе раньше всех за столом начинал поглядывать на часы. Утром снова ехать в цех, кому-то открыть, что-то проверить. Сегодня часы его не интересовали.

Тамара принесла горячее и села рядом со мной.

— Надя, а у тебя что за повышение? Кира сказала, ты теперь большая начальница.

— Пока маленькая и пробная.

— Это как?

Я рассказала. Тамара задавала точные вопросы, потому что работала бухгалтером и знала цену формулировке «немного больше ответственности». Когда услышала про прибавку, удовлетворенно кивнула.

— Вот это уже разговор.

Вадим посмотрел на меня с такой спокойной гордостью, что мне стало тепло. Я рассказала бы еще что-нибудь, если бы Аркадий не повернулся к нему.

— А ты что присмотрел?

— Пока ничего.

— Совсем?

— Совсем.

Аркадий потянулся за хлебом.

— В нашем парке мастер нужен. Правда, там с утра до вечера, зато платят вовремя. Если хочешь, узнаю.

— Не надо пока, спасибо.

— А чего так?

— Отдыхаю.

Муж произнес это привычно, без раздражения. Аркадий тоже не хотел ничего плохого. Он предлагал то, чем умел помогать: сведения, контакт, надежное место. Мне вдруг стало необходимо объяснить все до конца.

— У него полгода, — сказала я. — Мы договорились. Потом уже будет смотреть.

Вадим перевел взгляд на меня.

— Посмотрим, что будет потом.

— Ну да, я и говорю.

— Ты говоришь, что я начну смотреть работу.

За столом на секунду стало тише. Тамара взяла салатницу, будто именно сейчас важно было предложить ее мужу.

— А что еще? — спросила я и сразу пожалела о слишком быстром вопросе.

Вадим не ответил сразу. Он положил вилку на край тарелки.

— Надя, сейчас сентябрь. Я еще не прожил это время.

Аркадий добродушно махнул рукой.

— Отдыхай, конечно. Я через неделю отпуска уже стены двигаю, но это у кого как.

Разговор ушел в отпуск, погоду и цены на обычные вещи. Я отвечала, смеялась, рассказывала про речную прогулку. Муж время от времени касался моей руки под столом, и от этого было еще труднее сердиться: он не объявил между нами ссору, которую можно было переждать до дома.

После ужина Тамара показала мне новые шторы. Мы стояли в спальне, держали ткань у окна и спорили о длине, хотя она уже подшила их и ничего менять не собиралась.

— Ты не обижайся на Аркадия, — сказала подруга. — Он как слышит про свободного человека, сразу хочет куда-нибудь устроить.

— Я не обижаюсь.

— Вадим тоже, кажется.

— Нет.

Она посмотрела на меня внимательнее, потом повернулась к шторе.

— С этой стороны длиннее?

Я обрадовалась возможности заняться ясной проблемой. С этой стороны действительно было длиннее.

Уходили мы в десятом часу. На улице уже потемнело, воздух пах мокрой листвой. Я застегнула плащ, Вадим поднял воротник ветровки. До дома было двадцать минут пешком, и мы пошли, не вызывая машину.

— Ты рассердилась? — спросил он возле первого перекрестка.

— Не совсем.

— Это тоже длинное слово?

— Вадик, я думала, мы договорились.

— Мы договорились на полгода.

— Да. Чтобы ты отдохнул.

— Я и отдыхаю.

— А потом?

Он остановился, пропуская женщину с тележкой. Мы отошли к краю тротуара, чтобы не мешать.

— Потом я буду знать больше, чем сейчас.

— О чем?

— О себе. О том, как мне хочется работать. Сколько. Где. Может быть, не руководить людьми.

Последняя мысль задела меня сильнее всего. Я привыкла думать о его умении как о запасе прочности: Вадим всегда найдет место, потому что знает дело и умеет отвечать за других. Не хотеть пользоваться этим умением казалось почти тем же, что оставить на улице хорошую вещь.

— Ты хороший мастер, — сказала я.

— Знаю.

— Тебя ценят.

— Я рад.

— Не отвечай так.

Он вздохнул, глядя мимо меня на освещенный переход.

— Как?

— Будто я говорю глупости.

— Ты не говоришь глупости. Ты объясняешь мне, почему я должен хотеть то, что умею.

Я отвернулась. На противоположной стороне улицы зажегся зеленый свет, люди двинулись вперед. Мы остались стоять.

— Я не прошу тебя завтра выходить, — сказала я тише.

— Я знаю.

— И не считаю, что ты обязан немедленно что-то доказать.

— Тогда давай хотя бы сентябрь оставим сентябрем.

Он протянул мне руку. Я посмотрела на нее, потом взяла. Переходить мы начали уже в следующую зеленую волну.

Дома Вадим поставил чайник, я убрала пирог, который Тамара настояла вернуть нам наполовину. Мы пили чай на кухне, больше не обсуждая работу. Муж спросил, не натерли ли мне новые туфли, потому что под конец я шла медленнее.

Я сказала, что натерли.

Он придвинул второй стул, чтобы я могла положить на него ноги, и сел рядом.

Мне хотелось быть справедливой с ним. Правда хотелось.

Но я еще не понимала, почему наша июньская договоренность, такая простая на бумаге и такая щедрая в моих собственных глазах, теперь перестала давать мне нужный ответ.

Глава 7. У Кире своя кухня

Дочь позвонила в воскресенье, когда мы спорили о том, куда поставить третью кастрюлю.

Вадим уже несколько дней переставлял кухонные вещи так, чтобы ему было удобнее. Пока перемены касались только нижнего шкафа, я переносила их почти благополучно. Но третья кастрюля вдруг оказалась на месте салатницы, и я обнаружила в себе человека, способного защищать салатницу до последнего.

Телефон зазвонил как раз в ту минуту, когда муж спросил, чем одна полка принципиально отличается от другой.

— Кира, — сказала я и схватила телефон так быстро, будто дочь могла передумать.

На экране сначала появилось что-то желтое, потом потолок, потом половина ее лица.

— Вы меня видите?

— В основном ноздрю, — сообщил Вадим.

Дочь отодвинула телефон и поставила его на что-то устойчивое. Мы увидели небольшую кухню с клетчатой занавеской, узким столом и незнакомой синей кружкой.

— Вот. Теперь нормально?

Я подвинула свой телефон к сахарнице, чтобы в кадре помещались мы оба. Вадим закрыл шкаф и сел рядом.

— Ты поела? — спросила я.

Он слегка толкнул меня коленом.

— Что? Нормальный вопрос.

— Поела, — сказала Кира. — И даже сама приготовила.

Она подняла тарелку. На ней лежало что-то аппетитное и не похожее на мой обычный ужин. Я сразу вспомнила рыбу Вадима и решила не спрашивать, почему без гарнира.

— Как работа?

Дочь заговорила охотно. Рассказывала о первом небольшом задании, о правках, которые оказались не такими страшными, как она ожидала, о человеке, способном десять минут объяснять одну линию. Вадим слушал, чуть наклонив голову. Иногда задавал вопросы, из которых было ясно, что он действительно пытается понять, а не просто ждет своей очереди поделиться опытом.

Я смотрела на дочь. Она сидела в незнакомой кухне, свободно открывала ящик, доставала вилку, знала, где лежит полотенце. У нее уже появились движения, которых я никогда раньше не видела.

— А соседка где? — спросила я.

— У друзей.

— Вы ладите?

— Да. Она подписала контейнеры, теперь у нас в холодильнике порядок, которого нет даже в проектном бюро.

— Это удобно, — серьезно сказал Вадим.

Я повернулась к нему.

— Только не начинай подписывать кастрюли.

Кира засмеялась.

— Вы что там делаете?

— Отец проводит кухонную реформу.

— А мама защищает прежний строй?

— Мама пытается найти салатницу, — сказала я.

Дочь взяла свою кружку и отпила. На мгновение мы замолчали, и мне захотелось, чтобы она повернула камеру, показала всю квартиру, свой шкаф, кровать, рабочий стол. Я хотела

знать, где она теперь живет не только головой, но и телом: куда ставит ноги утром, к чему тянется спросонья, какой свет включается в прихожей.

— Покажешь комнату? — спросила я.

— Потом, мам. Я там пока не разобрала вещи.

— Мы же не с проверкой.

— Я знаю. Просто не хочу сейчас.

У меня уже была готова обида, маленькая и вполне приличная с виду. Я ведь мать, скупаю, не требую ничего особенного. Вадим успел сказать раньше:

— Когда захочешь, покажешь.

Дочь благодарно кивнула.

Я подняла чашку, хотя чай закончился. Поставила обратно и заставила себя спросить о другом.

— Ты гуляла по городу?

Оказалось, гуляла. Увидела длинную лестницу возле старой водонапорной башни, нашла булочную, купила нелепый магнит, хотя всегда смеялась над моими магнитами. В ближайшие выходные собиралась с коллегами на прогулку, если не будет сильного дождя.

— Оденься... — начала я.

И остановилась.

Кира ждала.

— Как тебе удобно, — закончила я.

— Постараюсь не выйти в одном магните.

Мы засмеялись. Дочь спросила про мое повышение, потом про папины дни. Вадим рассказал о книге, о парке, о кухонном шкафе и о том, что теперь умеет приготовить не только привычные котлеты.

— Круто, — сказала Кира. — В следующий приезд буду оценивать.

— Предупреждаю, картошка больше не гарантирована.

Она подняла большой палец.

Через полчаса разговор начал естественно заканчиваться. Мы уже спросили главное, услышали ответы, обменялись смешными подробностями. Мне очень хотелось найти еще одну тему, но дочь посмотрела на часы.

— Мне надо постирать, пока вечером соседка не вернулась.

— Конечно, — сказала я.

— Мы позвоним на неделе?

— Позвоним.

Она помахала нам, и экран погас.

Кухня стала нашей. Не той, которая только что помещалась внутри другого разговора, а обычной, с недопитым чаем и кастрюлей на столе.

Я взяла телефон, посмотрела на черный экран и положила его возле себя.

— Она хорошо выглядит, — сказал Вадим.

— Да.

— Устала немного, но довольная.

— Да.

Он не стал задавать следующий вопрос. Просто убрал со стола кружки и открыл нижний шкаф.

— Давай салатницу пока оставим как была.

— Нет, — сказала я неожиданно для себя. — Переставь. Ты же объяснял, что так удобнее.

Он посмотрел на меня, но ничего не ответил. Поставил кастрюлю на свободное место, салатницу перенес выше и закрыл дверцу.

Я поймала себя на том, что жду нового поручения. Дочь наверняка что-нибудь забыла, хозяйка квартиры непременно потребует непонятную бумагу, на работе возникнет трудность, которую нужно обсудить с родителями. Но телефон молчал, и в его молчании не было ничего плохого.

— Пойдем? — спросила я.

— Куда?

— Просто погуляем.

— Сейчас?

— Да. Пока я не придумала нам полезное занятие.

Муж вытер руки, повесил полотенце на крючок и кивнул.

На улице было ветрено. У подъезда лежала первая заметная кучка желтых листьев, еще небольшая, словно осень только начала распаковываться. Мы пошли не к магазину, а в сторону старых дворов, где редко бывали.

Вадим рассказывал, как в детстве пытался построить шалаш из двух дверей. Я знала историю, но не помнила подробностей. Оказалось, одна дверь принадлежала соседскому сараю и была снята не вполне законно, а дед мужа заставил его не только вернуть ее, но и полдня придерживать, пока он ставил петли.

— Вот откуда у тебя любовь к мебели, — сказала я.

— Скорее уважение к тому, что уже стоит.

Мы дошли до маленького сквера с тремя скамейками. На одной сидели подростки, на второй кто-то оставил мокрую газету, третья была свободна. Я села, муж устроился рядом. Мы смотрели, как мальчик учит младшую сестру запускать бумажный самолетик. Она бросала его носом вниз, он терпеливо показывал снова.

— Нам тоже есть чем заняться, — сказала я.

Вадим повернулся ко мне.

— Я не сомневался.

— Я не про квартиру.

— Я понял.

Он взял мою руку и положил себе на сгиб локтя. Я прислонилась к его плечу. За деревьями ехали машины, кто-то смеялся, самолетик снова упал носом в землю.

Мальчик не стал бросать за сестру. Поднял бумагу, расправил крыло и вернул ей.

Я подумала о дочери, но звонить ей больше не стала.

Глава 8. Новая неделя

Три вечера подряд я приходила домой с твердым намерением никем больше не руководить.

На четвертый день сорвалась на мусорное ведро.

Оно стояло не под раковиной, а возле двери: Вадим вынул его, чтобы вымыть пол, и не успел поставить обратно. Я вошла с тяжелой сумкой, задела ведро ногой и произнесла несколько слов, которыми не гордилась.

Муж появился из ванной с тряпкой в руке.

— Пострадало?

— Кто?

— Ведро.

Я посмотрела на целое ведро, потом на него и рассмеялась так неожиданно, что пришлось прислониться к стене.

— Извини. У меня сегодня весь день кто-нибудь стоит не там.

Он забрал сумку, поставил на полку и дождался, пока я сниму плащ.

— Ты поела?

— Да.

Он прищурился.

— Что?

— Точно поела? Или, как обычно, у тебя яблоко приобрело статус обеда?

— Яблоко и печенье. Это уже коллектив.

Вадим покачал головой и пошел на кухню. Я вымыла руки, переоделась и села за стол, не пытаясь немедленно помочь. С утра у нас не совпали два списка, потом заказчик изменил состав отправки, затем выяснилось, что я сама неверно поняла письмо и попросила Жанну переделать то, что переделывать не требовалось. Последнее было хуже всего. Ошибку пришлось признать вслух, а не просто исправить в файле, пока никто не заметил.

Муж поставил передо мной тарелку.

— Рассказывай.

— Про что именно?

— Про ведро. Чувствую, оно не первый виноватый.

Я рассказала. Он слушал, иногда улыбался, но не предлагал немедленно наказать кого-нибудь из сотрудников. Когда я дошла до собственного письма, спросил:

— Жанна сильно разозлилась?

— Нет. Сказала, что хорошо, хоть до обеда выяснили.

— Разумная женщина.

— Я тоже так сказала. Только про себя.

После ужина Вадим сказал, что выбрал нам фильм. Уже нашел, где посмотреть, и даже поставил у дивана тарелку яблок.

— У меня еще список, — сказала я.

— Ты же вчера говорила, сегодня освободишься.

— Я надеялась.

Он убрал пульт с моей половины дивана чуть резче, чем требовалось. Я села с ноутбуком, испытывая неловкость перед фильмом, которого не выбирала. Нужно было закончить список, чтобы утром не начинать с него. Вадим сел в кресло с книгой, и минут двадцать в комнате слышались только стук клавиш да шорох страниц.

Я посмотрела на него. Он был спокоен, немного смешно поджал под себя одну ногу, держал книгу так близко к лицу, будто боялся пропустить строчку. На столике возле него лежал

карандаш. Муж иногда отмечал понравившиеся места на отдельном листке, потому что писать в самой книге считал почти неприличным.

— Ты весь день читал? — спросила я.

Он поднял глаза.

— Нет. Сходил в мастерскую.

— В какую?

— Районную, возле старого стадиона. Помнишь, там вывеска про занятия для взрослых?

Я смутно помнила. Небольшое помещение, окна наполовину закрыты светлыми жалюзи, у входа иногда стояли люди с деревянными заготовками.

— И что там?

— Столы. Инструмент. Человек по имени Валерий Павлович. Я записался.

— Ты же сам умеешь.

— Не все.

Он рассказал про ручные соединения, про тонкую работу, на которую в цехе не оставалось времени, про пожилого руководителя, который посмотрел на его пальцы и сказал: «Главное, не торопитесь доказывать, что вы опытный».

Вадим засмеялся, вспомнив эту фразу. Мне тоже стало смешно.

— Ты доказал?

— Пока нет. Час делал одну деталь.

— Удалась?

— Не вполне.

Он сказал это с таким удовольствием, что я посмотрела на него внимательнее.

В цехе не вполне удавшаяся деталь означала лишнее время, материалы, раздражение заказчика, чью-то задержку. Здесь она почему-то делала его вечер лучше. Я понимала разницу умом, но внутри продолжала считать, что человек, у которого есть целый свободный день, должен прожить его убедительно.

— И сколько стоят занятия?

Он назвал сумму. Небольшую, заранее помещавшуюся в наши личные расходы.

— Нормально, — сказала я.

Муж смотрел на меня.

— Я не спрашивал разрешения, Надь.

— Я и не давала. Просто ответила.

— Хорошо.

Он вернулся к книге. Я — к списку. Несколько минут мне казалось, что между нами стало прохладнее, хотя ничего страшного не произошло. Потом я закрыла ноутбук.

Список можно было закончить утром. Не весь мир обрушивался от того, что одна ячейка оставалась пустой до девяти часов.

— Вадик.

— Да?

— Мне хочется, чтобы ты сейчас был со мной.

Он поднял голову.

— Я здесь.

— Знаю. Не в смысле комнаты.

Муж положил книгу на столик и пересел ко мне на диван. Я убрала ноутбук с колен и поставила на полку, чтобы он не оказался между нами третьим участником.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего еще не случилось. Я просто... Мне весь день нужно было что-то решать. И я пришла домой, а у тебя был хороший день.

— Это плохо?

— Нет. Вот именно что нет. А я зачем-то хочу, чтобы он был трудный. Тогда мы могли бы вместе пожаловаться.

Произнести это оказалось стыдно. Не красиво стыдно, когда ждешь, что тебя сразу похвалят за честность. Обыкновенно, до горячих ушей.

Вадим некоторое время молчал.

— Могу рассказать, как испортил заготовку, — предложил он наконец.

— Не надо делать вид, что ты несчастен.

— Я и не буду. Она действительно испорчена.

Я засмеялась и уперлась лбом в его плечо. Он обнял меня, а потом начал рассказывать. Не про правильный прием, а про соседа за столом, который торопился меньше всех и сделал лучше остальных. Про смешное упрямство собственного большого пальца. Про то, как хотелось привычно сказать «я сам», хотя именно для помощи он туда и пришел.

Я слушала и представляла незнакомую мастерскую, соседа за столом, испорченную заготовку. Вадим рассказывал все живее, а я придвинулась поближе, чтобы видеть его лицо.

— Я рада, что ты пошел, — сказала я.

Он чуть отстранился, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Правда?

— Сейчас да.

— Хорошо. Завтра можешь еще раз проверить.

Я легонько толкнула его плечом. Он поймал мою руку и оставил у себя в ладони.

Позже мы выбрали фильм, который пропустили несколько лет назад. Я дважды спрашивала, кто этот человек на экране, потому что отвлекалась на мужа. Он терпеливо объяснял, потом признался, что сам не знает и уже десять минут придумывает.

Мы выключили фильм на середине и долго смеялись над этим маленьким обманом без последствий.

Перед сном я поставила будильник и убрала телефон экраном вниз. Вадим лежал рядом, опираясь на локоть, и смотрел, как я поправляю подушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.